

УДК 303.446.4:934

**ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

С.С. Джеенбекова

Дано понятие повседневности в исторической науке, рассмотрено его содержание, охарактеризованы методы исследования, используемые историком в изучении повседневности.

Ключевые слова: история; повседневность; история повседневной жизни.

**STUDY OF THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS**

S.S. Djeenbekova

The article deals with the concept of daily occurrence of historical science, its contents is considered, the research methods used by the historian in studying of daily occurrence are characterized.

Key words: history; daily occurrence; history of everyday life.

Повседневность как специальная область исторических исследований была обозначена и стала популярна относительно недавно. Хотя основные сюжеты истории повседневности, такие как быт, одежда, труд, отдых, обычаи, в отдельных аспектах изучались давно, однако системно стали предметом исследования только в последние десятилетия. В исторической науке возрос интерес к проблемам повседневности, стали появляться исследования по проблемам бытовой культуры, образа жизни в различные эпохи. И это не случайно. Из подробностей и мелочей быта, образа жизни, складывается устойчивая типологическая определенность, своеобразное “лицо” общества как такового. Ценность исследований быта в том, что он выступает “обратной стороной” общественного бытия. Таким образом, повседневность является продуктом длительного исторического развития. “Повседневность исторична, поскольку она представляет собой мир культуры, который... мы воспринимаем в его традиционности и привычности и который доступен наблюдению” [1, с. 108].

“Повседневность – одно из пространственно-временных измерений развертывания истории, форма протекания человеческой жизни, область, где возникает надежда на новацию – банальности, перетекая друг в друга, образуют новые миры. Повседневность – целостный социокультурный мир, как он человеку дан” [2, с. 13]. “Повседневность – это, как писала Н.Н. Козлова, продукт

социального конструирования” [2, с. 14]. Занимаясь изучением повседневности, исследователь “ощущает себя непосредственно включенным в живую историческую цепь” [2, с. 112], – писала Н.Н. Козлова.

Французский историк повседневности Ф. Бродель, в частности, пишет: “...повседневность – та сторона жизни, в которую мы оказываемся вовлечены, даже не отдавая в том себе отчета, – привычка, или даже рутин, эти тысячи действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами собой, выполнение которых не требует ничего решения и которые происходят, по правде говоря, почти не затрагивая нашего сознания. Я полагаю, что человечество более чем наполовину погружено в такого рода повседневность. Неисчислимые действия, передававшиеся по наследству, накапливающиеся без всякого порядка, повторяющиеся до бесконечности, прежде чем мы пришли в этот мир, помогают нам жить – и одновременно подчиняют нас, многое решая за нас в течение нашего существования” [3, с. 13]. Итак, имеются различные варианты определения понятия повседневности.

Попробуем выявить собственное понимание категории повседневного. На наш взгляд, она включает:

- событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира;

- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей.

В поисках путей, позволяющих приблизиться к пониманию прошлого непосредственно через его субъекта и носителя – человека, наука рассматривает понятие “повседневная жизнь” в качестве интегративного метода познания, который предоставляет возможность реконструировать историческое бытие в его тотальности, осмыслить внутренние социальные, психологические связи, проступающие в реалиях повседневности.

Повседневность должна занять в процессе междисциплинарных исследований подобающее место, поскольку это может помочь созданию реального представления о жизни людей в прошедшие эпохи, вместо идеальных схем. Изучение того или иного фрагмента истории человечества непременно должно включать в себя изучение повседневности, и в то же время невозможно только через повседневность понять всю суть исторического развития.

Следует отметить, что реконструкция повседневной жизни людей неизбежно ставит ряд методологических проблем, которые связаны со сложностями обобщения и оценок многообразных, часто взаимоисключающих данных, раскрывающих внутреннюю неоднородность и изменчивую динамику хода повседневной жизни. Отдельные ее детали не могут автоматически свидетельствовать об исторической реальности. Исследовательский процесс должен обязательно сопровождаться реконструкцией отдельных элементов в единую систему их взаимосвязей. Поэтому при изучении повседневности необходимо безусловное сочетание методов микро- и макроуровней исторического исследования. Изучение проблем повседневности требует от исследователя привлечения разнообразных методологических принципов. В современном проблемном поле науки все чаще и чаще на первый план выходят проблемы, которые требуют междисциплинарных исследований. Создавая схемы понимания повседневности, исследователь включается в диалог гуманитарных и естественных наук. Именно такой подход позволяет осуществить “прочтение” структур повседневности. Научные методы очень часто опираются именно на ту реальность, в которой находится сам исследователь, поэтому они неразрывно связаны между собой. Изучение повседневности позволяет взглянуть на систему культурного развития в ее эволюции. Историк может проследить, как на обломках од-

ного уклада жизни и одной обыденности, в результате их разрушения, возникает новая обыденность и повседневность, которая, по сравнению с предыдущей, кажется странной и “неповседневной”. Подобный анализ содержит в себе перспективу прогнозирования будущего, поскольку позволяет проследить развитие системы ценностей, роль в этом отдельных личностей, пытавшихся и пытающихся “изменить жизнь” как в государственном масштабе, так и на локальном уровне, как в прошлом, так и сегодня.

Истории повседневности свойственны свои методы изучения. Для этого направления свойственно особое отношение к источнику. “Повседневноведы” отказываются от все еще распространенной в отечественной историографии установки (“Тексты способны говорить сами за себя”), превращающей исторический текст в подробное описание источника. Для анализа повседневности характерно иное вчитывание в текст источника, попытки проникнуть в его внутренние смыслы, учет недоговоренного и случайно прорвавшегося. Историк, ставящий задачу реконструировать с помощью сохранившихся источников “типичное” для определенного времени и определенной социальной группы, старается выяснить мотивацию действий всех исторических акторов и через это приблизиться к их пониманию. При этом специалисты по истории повседневности отказываются выступать в роли объективного судьи прошлого, или, как это любят они повторять, отказываются от желания встать “над” источником и над его автором. Вместо этого они ведут “диалог” с источником, пользуясь теми приемами, которые в состоянии обеспечить этот диалог, ставят перед текстом вопросы, которые его составитель или автор сами бы никогда не поставили, поскольку вопросы эти рождены современным состоянием научных знаний. Специалист по истории XX в. имеет возможность обратиться к методу устной истории. Сбор и запись “жизненных историй”, интервью всех видов являются не просто сбором материала, но, в ряде случаев, созданием нового вида источника – “вторичного”. В советской историографии к воспоминаниям как к источнику было принято обращаться, в основном, тем, кто изучал историю Великой Отечественной войны. Однако в последние 20 лет устная история завоевала заметное место в исследованиях по истории повседневности. Здесь оказываются полезными методы работы с автобиографическими текстами, разработанные психологами и социологами, в особенности зарубежными. В частности, одна из таких методик предполагает свободный рассказ, перед которым интервьюер просит интервьюируемого рассказать о себе и своей жизни, не умалчи-

вая ни о чем существенном. Сопоставляется повторяемость тем и жизненных коллизий, что позволяет делать обобщения [4, с. 93]. Исследователи, не располагающие возможностями “задать прошлому вопрос”, а их большинство, вынуждены работать с имеющимися традиционными источниками, среди которых для истории повседневности особенно велика роль источников личного происхождения. У медиевиста и специалиста по истории Раннего Нового времени, не говоря уже о Древнем времени, зачастую нет и их – ни писем, ни дневников, ни воспоминаний. На помощь исследователю истории повседневности здесь приходит этнология. Приблизиться к чужой культуре можно путем поиска и анализа символических форм – слов, образов, институтов, поступков, – посредством которых люди проявляют себя. Таким образом, для медиевиста или специалиста по XVI–XVII вв. главными в реконструкции истории повседневности становится толкование смыслов и символов, обнаруживаемых при чтении сложившегося корпуса источников. Пользуясь психологическими приемами вживания в сокровенное и одновременно банальное, исследователь повседневности неизбежно создает более субъективированное знание, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этнографического или исторического описания. Труд исследователя повседневности – интерпретация чужих мыслей и слов – всегда является “переводом” с чужого эмоционального языка. В этом случае он сближается с исследователями истории психологии и специалистами по истории частной жизни.

Этнографический и социологический методы включенного наблюдения применяются, когда исследователь одновременно собирает фактическую информацию и “ведет наблюдение” за ее автором. В этом случае он пользуется информацией из иных источников о контексте написания данного текста этим человеком, например, его возрасте на тот момент, семейной ситуации, психологическом настрое. Анализ стенограммы какого-то важного форума, учитывающей реакцию зала, может быть превращен в методику анализа фокус-группы – при изучении повседневности историк часто использует эти этнологическо-социологические методы работы. Радости и страдания, мечты и надежды людей предшествующих поколений часто оставляют лишь случайные следы в исторических источниках, к тому же представленные “зашифровано”. Поэтому иногда единственным способом выйти из тупика становится переоценка тех свидетельств, которые уже использовались раньше в ином ракурсе (скажем, газетных статей и фотографий с целью извлечения деталей и примет обыденного быта), привлечение свидетельств иностранцев, которым

больше бросаются в глаза культурные отличия в повседневном быту. Но историк, в итоге, должен привести свои микроисторические изыскания в единую систему взаимосвязей, только в таком виде маленькие элементы помогут ответить на большие вопросы. Не случайно критики истории повседневности как “трогательных рассказов из жизни людей из массы” утверждают, что авторам работ по истории повседневности есть чему поучиться у специалистов по социальной истории – они имеют в виду сложность преобразования множества “историй” в цельную картину. Пути такого преобразования хорошо известны социологам. В собранном однородном массиве источников (записях судебных процессов или, например, автобиографиях или агитационных брошюрах) выделяются отрывки текста (т. н. “секвенции”), которые структурируются по темам “факт”, “контекст”, “субъективная значимость для индивида”, а затем этот материал подвергается новому анализу с точки зрения повторяемости информации. Большим подспорьем для микроисторика является возможность сравнить получаемые им выводы для определения степени типичности ситуации или реакции через привлечение иных источников, но такая возможность представляется историку не всегда. В идеале исследования по истории повседневности должны писаться иным языком, в который исследователь может вложить и свое собственное эмоциональное восприятие предметного мира, окружавшего человека прошлого.

Среди методов изучения повседневности стоит отметить качественный анализ документов, *thick description*. Особое внимание при работе с текстом источника уделяется существительным, обозначающим бытовые реалии. Круг источников для изучения повседневности весьма разнообразен:

1. Материалы, дающие сведения о реалиях культуры повседневности:

1. Природные, градостроительные и др. источники – естественная и искусственно созданная среда обитания (рельеф, климат, флора, фауна, поселения разного типа, коммуникации).

2. Массовые (демографические) источники – документы, регистрирующие рождение, браки, разводы, смерть; удостоверения личности разного рода, членские билеты и др.

3. Вещественные источники – здания (внешний вид, планировка помещений), мебель, предметы убранства интерьера, посуда, одежда, бытовые вещи, детские игрушки (зачастую представляют реалии “взрослой жизни”, не дошедшие в оригинале).

4. Изобразительные источники – рисунок, живопись, гравюра, фотография, хроника, документальное кино, телевизионные программы.

5. Описи вещей, описания музейных коллекций и собраний, архитектурные проекты, планы городов, карты, официальные отчеты, статистика, материалы обществ и комиссий по изучению быта и т. д.

6. Объявления, афиши, обертки, театральные и концертные программы, плакаты, меню, открытки и т. д. (Данные объекты являются одновременно и вещественными источниками, и письменными.)

7. Письменные источники. Нормативные издания и руководства, в т. ч. иллюстрированные (правила хорошего тона, объяснения правил разного рода игр, учебники, словари, письмовники, разговорники, сонники, кулинарные книги, модные журналы, каталоги и т. д.).

II. Материалы, представляющие наряду с реалиями культуры повседневный контекст их восприятия:

1. Источники личного происхождения – дневники, переписка, мемуары.

2. Художественная литература.

3. Публицистика.

4. Пословицы, поговорки, анекдоты.

5. Карикатура.

6. Художественное кино.

По словам академика Ю.В. Полякова, “проблематика (изучения повседневности) по существу без-

гранична, как сама жизнь. Она полихромна и полифонична. Соответственно и источники изучения повседневности практически безграничны” [5, с. 130].

Итак, в поисках путей, позволяющих приблизиться к пониманию прошлого непосредственно через его субъекта и носителя – человека, наука рассматривает понятие “повседневная жизнь” в качестве интегративного метода познания, который предоставляет возможность реконструировать историческое бытие в его тотальности, осмыслить внутренние социальные, психологические связи, проступающие в реалиях повседневности.

Литература

1. *Ионин Л.Г.* Социология культуры / Л.Г. Ионин. М.: Логос, 1996.
2. *Козлова Н.Н.* Социология повседневности: переоценка ценностей / Н.Н. Козлова // *Общественные науки и современность.* 1992. № 3.
3. *Бродель Ф.* Динамика капитализма / Ф. Бродель. Смоленск: Полиграмма, 1993.
4. *Девятко И.* Модели объяснения и логика социологического исследования / И. Девятко. М., 1976.
5. *Поляков Ю.В.* Человек в повседневности / Ю.В. Поляков // *Отечественная история.* 2000. № 3.